

Э.Д. Фролов

**К 150-летию юбилею выдающегося
исследователя античной литературы и
общественно-политической мысли
Фаддея Францевича Зелинского**

Развитие русской науки об античности в период ее расцвета на рубеже XIX-XX вв. отличалось богатством направлений. С равным вниманием и успехом исследовались все важнейшие аспекты античной цивилизации: политическая история греков и римлян, их общественная мысль, литература и религия, формы государственности и явления социально-экономической жизни. При этом центральный ствол русской науки об античности в до-революционный период составляло *историко-филологическое направление*, именно школа петербургского профессора Ф.Ф. Соколова, представленная, в частности, такими выдающимися его учениками, как В.В. Латышев, Н.И. Новосадский и С.А. Жебелев.

Существенным моментом научного творчества Соколова и его учеников была реконструкция исторических фактов и явлений с помощью эпиграфических документов, т.е. посредством привлечения греческих и латинских надписей, что по необходимости вело к синтезу исторического и филологического исследования, откуда проистекает и само название этого направления.

Однако историко-филологическое направление не исчерпывало всего содержания нашей науки на рубеже XIX-XX вв. Этот период отличался исключительным разнообразием и богатством также и иных направлений, которые, ответвляясь от главного древа, сами достигали большой полноты развития, содействуя восприятию и постижению античности во всей ее целостности. Эти ответвления соответствовали главным сущностным аспектам античной цивилизации – литературе, религии, театру и искусству древних греков и римлян, их социальной, политической и экономической жизни.

Все эти грани ушедшей в прошлое классической цивилизации высвечивались усилиями многих даровитых ученых-классиков, представлявших результаты своих изысканий в статьях и книгах, обилие которых в предреволюционные десятилетия делают с первого взгляда крайне затруднительным их сколько-нибудь полное обозрение. Тем не менее в этом множестве научных явлений можно выделить, наряду с историко-филологическим направлением, еще ряд других достаточно значимых течений, которые ориентировались на изучение различных сторон древней греко-римской цивилизации. Этой цели можно достичь, группируя явления научной жизни по условным крупным рубрикам вокруг наиболее значительных и колоритных фигур.

Прежде всех других выделяется то яркое и значимое направление, которое уже в предыдущий период, в последнюю треть XIX в., являло собой альтернативу, но вместе с тем и существенное дополнение господствовавшей историко-филологической, или эпиграфической, школе Ф.Ф. Соколова. Мы говорим о *культурно-историческом направлении*, которое оказалось представленным на рубеже столетий поистине легионом специалистов, филологов-классиков по образованию, но расширивших диапазон своих интересов и изысканий за пределы собственно филологии, т.е. за рамки изучения древних языков и словесности, на иные и более широкие области античной культуры. В ряду этих ученых и по старшинству и по ученой и литературной славе заслуженно выделяется Фаддей Францевич Зелинский (1859-1944 гг.), чей 150-летний юбилей приходится на нынешний год¹.

¹ Для общего знакомства с русской наукой об античности на рубеже XIX-XX вв., включая культурно-историческое направление и его виднейших представителей Ф.Ф. Зелинского, Ю.А. Кулаковского и др., бесценны соответствующие обзоры В.П. Бузескула в его трудах: 1) Введение в историю Греции, изд. 3-е, Пг., 1915, с.354 слл., 454 слл., 536-545; 2) Всеобщая история и ее представители в России в конце XIX и начале XX в., ч. II, Л., 1931, с.149 слл. Специально о Зелинском см. также: Брюллова Н.В. Ф.Ф. Зелинский (к его 25-летнему юбилею) // Гермес, 1909, № 3, с.71-76; Ростовцев М.И. Ф.Ф. Зелинский // Гермес, 1914, № 3, с.81-83; Rehm A. Thaddaus Zielinski. Nekrolog // Jahrbuch der bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1944-48. Munchen, 1948, S.155-157. – К этому надо добавить недавно опубликованную статью О.А. Лукьянченко «Вертикаль жизни Фаддея Зелинского» (Культура, № 22 [52] от 23 ноября 2000 г.), содержащую не только обстоятельный обзор жизненного пути великого ученого, но и драгоценные све-

Поляк родом, Зелинский принадлежал к той части российской интеллигенции, которая прочно ориентировалась на западные культурные традиции. Он получил прекрасное образование: учился в Петербурге, затем в немецких университетах – в Лейпциге, Мюнхене, Вене, некоторое время также в Риме. В Лейпциге он защитил первую свою диссертацию, касавшуюся последних лет Второй Пунической войны (1880 г.). Рано сформировавшись как ученый, Зелинский стал украшением Петербургского университета, где он проработал более трети века (1885-1921 гг.). Великолепный знаток греческого и латинского языков и литературы, Зелинский преклонялся перед культурой античности. Он видел в ней не только основание новейшей европейской культуры, но и вечный источник животворных идей, и свое филологическое мастерство поставил на службу культурно-историческим изысканиям, охватывавшим всю античность, все ее стадии и ипостаси, как греческую, так и римскую.

Как филолог *ex professo*, Зелинский много занимался вопросами греческой и римской литературы. Так, его глубоко интересовал и он со вниманием изучал строй греческого героического эпоса, в частности свойственное гомеровским поэмам явление хронологической несовместимости, под которой понимают видимую неспособность эпического поэта повествовать о различных, но в одно время случившихся событиях иначе, чем последовательно, т.е. выстраивая их в последовательный временной ряд, а не излагая параллельно².

С еще большим увлечением вникал Зелинский в историю греческой драмы. В молодые годы он много времени уделил исследованию древней греческой (аттической) комедии – ее строения и стиля, ее фольклорных истоков и компонентов, среди которых он особо выделял древнюю сказку, в которой справедливо усмотрел предтечу или ядро той народной социальной утопии, что отражена в пьесах афинских комедиографов. Его работы на эти

дены о судьбе его близких, оставшихся в России и переживших репрессии советских лет. Библиография работ Зелинского: Список трудов профессора Ф.Ф. Зелинского, изданный ко дню 25-летия его преподавательской деятельности его учениками (1884-1909). СПб., 1909 (№ 1-312); Перечень трудов проф. Ф.Ф. Зелинского с 1908 г. // Гермес, 1914, № 3, с.84-87 (№ 313-421).

² Зелинский Ф.Ф. Закон хронологической несовместимости и композиция Илиады // *Charisteria*. Сб. статей по филологии и лингвистике в честь Ф.Е. Корша. М., 1896, с.101-121.

темы, публиковавшиеся как в России, так и в Германии, создали ему репутацию выдающегося ученого-филолога³.

Позднее Зелинский обратился к изучению греческой трагедии, результатом чего стала публикация ряда статей, популярного очерка об Эврипиде и большой специальной работы о развитии трагических мотивов, начало которой успело выйти в России (более полный вариант был опубликован в Кракове уже после репатриации Зелинского в Польшу)⁴.

Занятия греческими трагиками не ограничивались у Зелинского чисто исследовательской работой: талант исследователя он сочетал с большим литературным и даже поэтическим дарованием, что дало ему возможность подготовить новый русский перевод столпа классической драмы – Софокла. Перевод трагедий Софокла был издан в обрамлении оригинальных ученых статей и комментариев и может рассматриваться как образец полноценной публикации древнего классика в современной русской версии (см.: Софокл. Драмы, т. I-III, М., 1914-1915).

По такому же типу намерен был Зелинский издать и перевод Эврипида. Здесь его задачей было завершить то, что не успел сделать переводчик Эврипида И.Ф. Анненский, тоже филолог-классик (он, кстати, был директором весьма престижной Николаевской гимназии в Царском Селе), но более известный как оригинальный поэт полуимпрессионистского-полудекадентского типа, чья ученая и литературная деятельность, в частности и работа над Эврипидом, была прервана преждевременной смертью (1909 г.). Близкий с Анненским, Зелинский считал своим долгом довести до конца начатое тем большое дело. Сам Анненский успел издать только часть своих переводов (Театр Эврипида, т. I, СПб., 1906), но и предприятие Зелинского осталось неоконченным: вышли только три из шести намеченных томов полного перевода (Театр Эврипида, т. I-III, М., 1916-1921), публикация остальных была остановлена отъездом Зелинского из России.

³ Зелинский Ф.Ф. 1) О синтагмах в древней греческой комедии. СПб., 1883; 2) О дорийском и ионийском стилях в древней аттической комедии. СПб., 1885; Zielinski Th. 1) Die Marchenkomodie in Athen. St.-Petersburg, 1885; 2) Die Gliederung der altattischen Komodie. Leipzig, 1885.

⁴ Зелинский Ф.Ф. 1) Рудиментарные мотивы в греческой трагедии // *Propempteria*. Сб. статей в честь Э.Р. фон Штерна. Одесса, 1912, с.9-15; 2) Эврипид. Пг., 1918; 3) *Tragodoumena*. Исследования в области развития трагических мотивов, вып. 1, СПб., 1919.

Своего рода итогом (отнюдь, впрочем, не окончательным) занятий Зелинского греческой литературой стало издание популярной книги «Древнегреческая литература эпохи независимости» (в двух частях, Пг., 1919-1920 [ч. I – «Общий очерк», ч. II – «Образцы»]). Лаконичность и доступность изложения естественно сочетаются здесь с глубиной и меткостью характеристик или оценок древних греческих писателей.

Как было сказано, научные интересы Зелинского распространялись как на греческую, так и на римскую литературу. В этой последней его особенно привлекал Цицерон – и как писатель, стиль которого он специально изучал, и как наиболее полное воплощение римского творческого гения. Он исследовал структуру речевых периодов Цицерона, обратив особое внимание на метрические клаузулы, посредством которых великий оратор добивался общей желательной ритмики⁵. А месту Цицерона в истории мировой культуры, его воздействию на культуру средневековой и новой Европы, равно как и длящейся не одно столетие полемике вокруг его личности, он посвятил обширную статью «Цицерон в истории европейской культуры» («Вестник Европы», 1896, декабрь), которая затем была им развернута в целую монографию, к сожалению, увидевшую свет только в немецкой версии⁶.

К этим исследованиям примыкает и начатое Зелинским совместно с известным переводчиком В.А. Алексеевым издание русского перевода всех речей Цицерона. Увы, как это часто бывает (особенно в России), дело остановилось на первом томе, куда вошли речи, произнесенные Цицероном в первую половину его адвокатской и политической деятельности (81-63 гг. до н.э.)⁷. Продолжения не последовало, зато любителей изящной словесности Зелинский порадовал еще одним своим литературным опытом – выполненным совместно с Л.Ф. Завалишиной переводом Овидиевых «Посланий» («Героид») ⁸.

⁵ Zielinski Th. 1) Das Clauselgesetz in Ciceros Reden, 1904; 2) Der konstruktive Rythmos in Ciceros Reden, 1914.

⁶ Zielinski Th. Cicero im Wandel der Jahrhunderte. Leipzig-Berlin, 1897 (во 2-м издании, вышедшем в 1908 г., объем книги был увеличен вчетверо, до 450 с лишним страниц).

⁷ Цицерон, Марк Туллий. Полн. собр. речей в двух томах, т. I, СПб., 1901.

⁸ Овидий. Баллады-послания. М., 1913.

Огромная эрудиция и мастерство исследователя сочетались у Зелинского с высоким природным даром просветителя, педагога и публициста. Он был кумиром студенческой молодежи и интеллигентной петербургской публики. Его открытые лекции и доклады на различные интересные, нередко весьма актуальные темы античной культуры неизменно вызывали интерес у слушателей, и, воодушевленный успехом своих публичных выступлений, он обрабатывал эти доклады для публикации или писал новые специальные статьи, так что в конце концов явилась мысль собрать их в целостное собрание, которому автор дал знаменательное название «Из жизни идей» (т. I-IV, СПб./Пг., 1905-1922). Первый и второй тома (второй – с характерным подзаголовком «Древний мир и мы») составились из статей, посвященных различным явлениям духовной жизни античного общества и современного мира в их перекличке и сопричастности (к примеру, о мотиве разлуки у Овидия, Шекспира и Пушкина). Третий том (с подзаголовком «Соперники христианства») был посвящен различным культам преимущественно греческого происхождения, которые в эллинистическо-римский период развивались в ту же сторону, что и христианство, составляя одновременно и общий фон и альтернативу этому последнему (например, культ Гермеса Трисмегиста [Трижды-Величайшего]). В последний, четвертый том («Возрожденцы») вошли статьи, касавшиеся, в основном, судеб и реминисценций античной культуры в позднейшие эпохи (например, о развитии идеи загробной жизни у Гомера, Вергилия и Данте, об античных источниках и прототипах драм Шекспира и пр.).

Общей установкой, проникающей все это обширное собрание этюдов об античной литературе, религии и общественной мысли в их взаимодействии с культурой средневековой и новой Европы, было убеждение в сокровенной сопричастности античности к духовной жизни нового времени. Для Зелинского античный мир (цитируем вслед за Бузескулом его слова) – это «не тихий и отвлекающий от современной жизни музей, а живая часть новейшей культуры». Историческое значение античности заключалось в том, что «она была родоначальницей тех идей, которыми мы и ныне живем». Конечно, для исторически образованного человека это было ясно всегда. Применительно к фундаментальным политическим идеям гражданских прав, свободы и демократии об инициативной роли античности писал уже М.С. Кутор-

га, а в советское время, в эпоху поздней оттепели, будет вспоминать С.Л. Утченко. Однако нигде животворное значение античности для нового времени не было показано столь последовательно и широко, как в работах Зелинского.

Разумеется, не всё одинаково привлекает нас сейчас в научно-популярных публицистических зарисовках Зелинского. Нередко сближения по видимости близких явлений античности и позднейшего, тем более современного уровня достигается форсированным путем, посредством сильнейшей модернизации прошлого. Временами режет глаз нарочитая парадоксальность высказанных суждений, утомляет чрезмерное многословие и выпренность. Однако в целом сборник «Из жизни идей» – замечательный образец столь же глубокого проникновения в духовную жизнь классической древности, сколь и верной, в общем, оценки античного участия в строении современной европейской культуры и менталитета.

Закljučая обзор научно-литературного творчества Зелинского, подчеркнем особенное его внимание к античной религии, к истории религиозного сознания вообще, что, конечно же, стояло в прямой связи с духовными исканиями тогдашней российской интеллигенции. Мы уже упоминали о том, что в сборнике «Из жизни идей» весь третий том был посвящен темам античной греко-римской религии, в особенности таким ее культам (или образам), в которых можно было видеть «соперников христианства». Однако и в других томах того же собрания, и за пределами его, в различных периодических изданиях и популярных энциклопедиях, можно обнаружить многочисленные статьи Зелинского, посвященные религии древних греков и римлян – и разным частным явлениям и персонажам, и принципиальным поискам античного язычества, позволяющим говорить о духовной перспективе, об известном предуготовлении классической древностью заглавной религии нового времени – христианства. Сами заголовки этих статей говорят о направлении мысли их автора: «Идея нравственного оправдания, ее происхождение и развитие» («Из жизни идей», т. I), «Характер античной религии в сравнении с христианством» (там же, т. II), «Идея Богочеловека в греческой и германской саге» («Вестник Европы», 1910, июль), «Возникновение греха в сознании древнейшей Греции» («Русская мысль», 1917, июль-август).

Но самыми полнокровными и яркими в этой области научно-литературных занятий Зелинского были две его книги, посвящен-

ные эллинской религии: «Древнегреческая религия» (Пг., 1918) и ее продолжение – «Религия эллинизма» (Пг., 1922). Это были первые выпуски – части широко задуманного труда, в котором автор предполагал дать по возможности полную картину, в виде ряда горизонтальных срезов, религиозного развития античного мира, включая и раннее христианство.

Собственно цель труда и состояла в том, чтобы показать закономерное движение античного, прежде всего греческого, религиозного сознания навстречу христианскому преобразению. Автор имел в виду, не умаляя основополагающей роли проповеди Христа, показать, что истинное предуготовление христианства свершалось не в лоне иудаизма, не в русле ветхозаветных пророчеств о мессии, как обычно полагают, а в духовной жизни античного, *западного* мира. Говоря словами автора (во введении к «Религии эллинизма»), «античная религия – это и есть настоящий Ветхий завет *нашего* христианства». Именно духовными усилиями античного мира впервые были открыты возможности для познания божественного откровения в его главных ипостасях *красоты, добра и истины*. А потому и обращенная ко всему человечеству проповедь Христа по-настоящему была услышана не в иудейской среде, пропитанной чувствами национальной исключительности и религиозной нетерпимости, а в греко-римском универсуме, открытом новому слову и новой правде. Именно в нем сформировалось то христианское мироощущение и миропонимание, которое стало духовным стержнем западной европейской цивилизации.

Октябрьская революция и последовавшая Гражданская война сделали для Зелинского невозможным продолжать свои ученые занятия в России. Особенно нестерпимой была для этого до мозга костей европейского человека наступившая духовная изоляция, невозможность поддерживать контакты с западноевропейским ученым миром. В 1921 г. он покинул Россию и обосновался в Варшаве. Свою научную и педагогическую деятельность он продолжал уже в качестве профессора Варшавского университета (1921-1939 гг.). В этот польский период своей жизни он продолжал разрабатывать дорогие его сердцу темы развития греческой драмы (именно трагедии) и истории античной религии⁹. Он подготовил также очередное немецкое переиздание

⁹ Греческой трагедии было посвящено большое сочинение «Tragödomenon libri tres» (Cracoviae, 1925). Что касается античной рели-

своей большой книги о Цицероне¹⁰, а в Париже опубликовал новую работу о Горации и римском обществе времени Августа¹¹.

Вторая мировая война окончательно разрушила тот цивилизованный мир, в котором он только и мог жить. В Варшаве от бомбежки сгорел дом, в котором он жил, погибла его библиотека, и он должен был искать последнего приюта в Германии, в Баварии, где жил и работал его старший сын Феликс, инженер по специальности. Там Зелинский и умер за год до окончания войны, так и не успев завершить свой главный труд по истории античной религии.

Между тем тяжкие испытания выпали и на долю его близких. Зелинский был женат дважды. От первого брака у него были сын Феликс и дочери Амата, Корнелия и Вероника. Феликс еще в 1919 г. бежал в Финляндию, откуда перебрался в Германию, где и обосновался окончательно в качестве наставника в лесотехнической школе в Баварии. Амата была замужем за выдающимся русским византинистом В.Н. Бенешевичем, который вместе с двумя их сыновьями был арестован и погиб в застенках НКВД во время большого террора, в 1938 г. Из двух других дочерей Зелинского от первого брака Корнелия вышла замуж за иностранца, а Вероника, оставшись незамужней, последовала за отцом в Польшу и посвятила себя заботам о нем в годы эмиграции. Вторым, гражданским браком Зелинский был женат на своей студентке, слушательнице Бестужевских курсов, от которой у него также были две дочери Тамара и Ариадна. Переезжая в Польшу, он рассчитывал, что сумеет взять их к себе. Планам этим не суждено было осуществиться: им пришлось остаться в России и вдоволь хлебнуть лиха как семье «белоэмигранта». Этот перечень завершим упоминанием о трагической судьбе еще одного близкого Зелинскому человека – его внебрачного сына Адриана Пиотровского. Унаследовавший от отца вкус к античной культуре и писательский талант, мастерски переведший на

гии, то Зелинским еще в Петербурге было задумано большое (в 6 томах) сочинение, где должны были быть прослежены все главные фазы религиозного развития античного мира. Первые два выпуска составили упоминавшиеся очерки древнегреческой и эллинистической религии, остальные выходили уже в Польше на польском языке.

¹⁰ Zielinski Th. Cicero im Wandel der Jahrhunderte, 4. Aufl., Leipzig, 1929.

¹¹ Zielinski Th. Horace et la societe romaine du temps d'Auguste. Paris, 1938.

русский язык Аристофана и Катулла, вместе с тем выдающийся режиссер, директор Ленфильма, Адриан Пиотровский, как и Бенешевич, стал жертвой советских репрессий 1930-х годов.

Насколько было высоко и безупречно научное творчество Зелинского, настолько неоднозначно было его поведение в личной жизни. Великий ученый, он был увлекающимся человеком. Его романтические истории вызывали неодобрение со стороны строгих ценителей морали, в частности, его коллег по Санкт-Петербургскому университету из круга «соколовцев». Вообще отношения между Зелинским и этими его коллегами оставляли желать лучшего. Б.В. Варнеке в своих, к сожалению, оставшихся неопубликованными воспоминаниях (они хранятся в СПб. филиале Архива РАН) рассказывает о курьезном случае, приведшем к полному разрыву между В.В. Латышевым и Зелинским. Мы упоминаем об этом не для того, чтобы, свою очередь, подвергнуть критике личную жизнь Зелинского, а только ради более полного представления об этой в высшей степени незаурядной и непростой натуре.

Как бы то ни было, в истории классического образования и науки об античности Зелинский сыграл выдающуюся роль, а его слава как преподавателя, как профессора с большой буквы, на многие годы пережила его самого. В этой связи в заключение я хочу упомянуть о любопытном факте, относящемся уже к моей собственной биографии. Когда, по окончании аспирантуры (1958 г.) я искал литературного заработка, работавший тогда на нашей кафедре профессор Д. П. Каллистов свел меня с видным специалистом по истории русской культуры А.В. Предтеченским, искавшим в ту пору сотрудников для подготовки второго тома «Истории Академии Наук СССР в трех томах». Человек весьма импозантной внешности и большой культуры, Предтеченский произвел на меня огромное впечатление. По его поручению я подготовил ряд очерков об антиковедах России XIX – начала XX в. Находясь под большим влиянием одного из своих наставников филолога-классика А.И. Доватура, свято чтившего память своих учителей из кружка «соколовцев» С.А. Жебелева и И.И. Толстого, я в своих заметках в особенности выделил творчество Ф.Ф. Соколова и его учеников. Ознакомившись с моей рукописью, Предтеченский сказал: «Ваш очерк обстоятелен, и, по-видимому, соответствует исторической правде. Однако он возбудил во мне недоумение: вы прославляете школу Соколова,

но в мое время, когда я учился в Петербургском университете, мы практически ничего о ней не слышали. Всех заслоняла великолепная фигура Ф.Ф. Зелинского, которая из специалистов-классиков одна только и осталась в моей памяти».

